31761 08223224 0

„АРКЕРАНТЫ“

Шутка зъ войскового житья

въ I. актѣ.

написавъ Иванъ Болкотъ.

ЛЬВОВЪ 1910.

Накладомъ Гр. Гануляка.

[illegible]ая типографія пôдъ упр. М. Рефця.

PG
3948
B584M37
1910
c. 1
ROBARTS

Presented to the

LIBRARIES *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

PAUL MAGOCSI

„МАРКЕРАНТЫ“

Шутка зъ войскового житья

въ I. актѣ.

написавъ Иванъ Болкотъ.

Gift from the library of
Dar z biblioteky
PAUL ROBERT MAGOCSI

ЛЬВОВЪ 1910.

Накладомъ Гр. Гануляка.

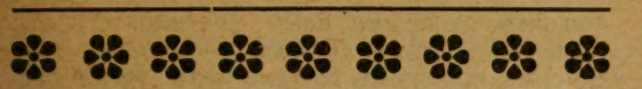
Ставропигійская типографія подъ упр. М. Рефця.

LIBRARY
JUN 0 1 2009
UNIVERSITY OF TORONTO

ОСОБЫ:

Лѣкарь войсковый
Барыло
Никипило
Чорнѣй
Менкесъ
Френкель
Шейнъ
} жовнѣры.

Рѣчь дѣеся въ отдѣлѣ для „мародѣвъ“, въ касарни, где стоитъ баталіонъ войска.



Сцена предетавляе комнату войскового лѣкаря, въ котрѣй принимае хорыхъ жовнѣрѣвъ. Съ одной стороны стоитъ стѣлъ, на немъ каламарь и перо, съ боку крѣсло, съ другой стороны шафка съ лѣкарствами, на котрѣй стоитъ фляшка съ водою и шклянки. На стѣнѣ полич ка съ лѣкарскими приборами и др. На земли сплювачка, въ кутѣ умывальня. При шафцѣ стоитъ Барыло и поспѣшно чиститъ стиркою лѣкарскй приряды.

Барыло (*обтираючи пѣтъ зъ чола*): А то „швицъ“ на пана вояка. Ажь зопрѣвъ чоловѣкъ. Чисти и чисти щоденно, а то якъ було заржавѣле, такъ и есть заржавѣле. (*Перестае чистити и задумуесь*): А то дивне! Якъ менѣ „байнетъ“ ржавѣе, то знаю, що за мною дома плачутъ; но кто за тымъ може плакати? Хиба небѣщики. (*Оглядае*) Но свѣтится уже? Та где тамъ. За пять крейцарѣвъ „пуцпомады“ пѣйшло и ани рушъ не хоче свѣтитись. Бо при войску то все муситъ бути яко „шпигель“. Для того то дѣвчата такъ люблятъ дуже жовнѣрѣвъ, бо на нихъ все свѣтится. Тѣ гузики при кабатѣ то такъ притягаютъ дѣвчата, якъ магнесомъ. Я знаю добре о тѣмъ, для того то мои гузики всегда такъ свѣтятся, що ажь очи зривае (*Смотритъ на посудину, котру чиститъ*) Е досыть вже съ тебе. Треба братися до замѣтанья. (*Вставляе посудину до шафки*). Ба, та я еще маю щось чистити. А то бувъ бы цѣлкомъ забувъ. И зновь бы обѣрвавъ ѣтъ пана „регименгсгерца“. Ось еще тѣ ножики и

ножички, котрыми панъ „регименгсгерцъ“ такъ файно рѣже. (*Оглядае розличнй приряды*) О, симъ ножикомъ то такъ панъ „регименгсгерцъ“ рѣже, якъ по маслѣ. Где якій чиракъ або пухлина, то тне якъ коса. Треба отже чистити, бо на то панъ „регименгсгерцъ“ найбôльше дивится, чи чисте. (*Оглядаесь*) Гдесь ту бувъ пѣсокъ. Аво, якій я нерозумный, тажъ ту его повно. (*Сѣдае на земли, бере пѣсокъ зô сплювачки, плюе на шмату и чистить*) Такъ, такъ, нема що! Все мушу такъ чистити, бо панъ „регименгсгерцъ“ не жартуе. Ôнъ дуже уважае на порядокъ. Го, го! Найбы где порошокъ увидѣвъ, то сейчасъ: Барыло — антретъ! И Барыло иде, та лишь оближеся... Но то не болитъ, на правду що нѣ! Пана „регименгсгерца“ рука, то така легонька якъ перо. Но може уже досыть того чищенья. (*Бере ножички*) А тото также файно рѣже. Але то вже при лѣпшôй „упираціи“ (*Чистить и позьвае*). Алежь бо то менѣ вже и спати хочесь. Та нема що казати. Пôвъ годины всего я нынѣ спавъ. (*Оглядаесь трывожно докола*) Бо то знаете я нынѣ зробивъ „аусблейбенъ“. Вы навѣть не знаете що то значитъ. Що то цивили! Ничого не знаютъ, що ôтносится до вôйскового стану. „Аусъблейбенъ“ то значитъ, що я цѣлу нôчь гулявъ, а о 5 доперва прійшовъ до касарни. Розумно? Мавъ я дати компресы мародамъ; бо то знаете, я е такій сторожъ, служащій, ôтъ мародôвъ. То въ нашôмъ вôйсковôмъ станѣ называеся: „кранкевертеръ“. Отже мавъ я дати мародамъ компресы, але не давъ. Имъ и такъ ничого не сталось. Всѣ сплятъ ажь мило. Въ кумпаніи, то якъ бы чоловѣкъ зробивъ „аусблейбенъ“, то то бы бувъ вже крикъ. И панъ капитанъ и всѣ офицеры знали бы о тôмъ. А тутъ на комендирцѣ въ „мародцимбрѣ“ то никто о тôмъ не знае, чи я есть, чи мене нема. Ой нема то, якъ на комендирцѣ! Пôйде чоловѣкъ, погуляе съ дѣвчатами и ани ся спостереже, якъ нôчь нерейде. А то все черезъ тоту Ксеню. Що правда, она мене любитъ, а я ю — еще бôльше Але жъ бо то шикована дѣвчина, страхъ! Ходитъ (*встае и наслѣ-*

дус еи хôдъ) такъ дрôбонько, якъ пантарка. И такъ само дрôбонько говоритъ. А на никого не подивится, тôлько на мене. И на ню никто не смѣе подивитись, бо якъ бы подидився... (*насупивъ брови и бьеся въ грудь*) то зô мною буде мавъ до дѣла. Она менѣ говоритъ всегда: мôй Петрунцю! Кажу вамъ, що чудо не дѣвчина. Я бы для неи десятъ „аусблейбенъ" зробивъ и то одинъ за другимъ. Бо то дѣвчина — чудо не дѣвчина. Якъ бы вы узрѣли мене и ю на улици, то сказали бы, що нема бôльше дôбранои пары, якъ мы обое. Якъ идемъ улицею, то всѣ за нами дивлятся. А она, маете знати, то и крокъ зô мною тримае: я одинъ, она десять. Ой Ксеню моя золотенька! Е, та бо я балакаю а ту вже незадовго сема; прійде панъ „регименгсгерцъ" до визиты. (*Начинае замѣтатати, смѣтье згортье пôдъ шафку.*) О бо то муситъ бути порядокъ, панъ „регименгсгерцъ" дуже на порядокъ уважае.

(*Черезъ двери заглядае Никипило*)

Барыло: А ось, прійшли мароды зъ компаніи, а я еще не позамѣтавъ. Ходи Никипило, поможи менѣ порядокъ зробити, бо видишь, що я нынѣ спôзнився.

Никипило: (*входитъ, кладе „книжку мародôвъ" на стôлъ и подае руку Барылѣ*) Сервусъ камратъ!

Барыло: Сервусъ! Що, ты мародъ?

Никипило: Ще якій, та не видишь якъ менѣ ся курити хоче?

Барыло: (*подае ему тютюнъ*) Скрути собѣ цигаро, але поможи менѣ щось зробити.

Никипило: (*крутитъ цигаро*) А ты чому еще не зробивъ порядку?

Барыло: Та бôйся Бога, чотыри „цимры" самому упорядкувати, то трохи за много.

Никипило: Та що менѣ голову крутишь. Я прецѣнь видѣвъ, якъ мароды самî порядокъ у себе робятъ, а ты тôлько тутъ робишь. (*Дивится пôдъ шафку*) Але якъ я вижу, то тутъ у тебе красный порядокъ.

Барыло: Но знаешь, то тôлько днесь такъ, бо видишь, я цѣлу нôчь не спавъ. Трохи спôзнився.

Никипило: А ты где бувъ цѣлу нôчь?

Барыло: Где, где! Также пытанье. При мародахъ, компресы дававъ, горячку мѣривъ...

Никипило: Га, га, а ты где такъ научився брехати? А кто вчера бувъ у Ксеньи?

Барыло: (*Оглядаеся трѣвожно.*) Тихо, бôйся Бога.

Никипило: Тихо? А чомужъ кажешь, що компресы мародамъ дававъ. Но, не бôйся, мы прецѣнь краяне, я никому о тôмъ не скажу. Я также бувъ вчера, тамъ знаешь у Мортка, въ корчмѣ, танцювавъ ажь до девятои. Ажь менѣ обцасъ ôтлетѣвъ. А були файнй дѣвчата.

Барыло: А котрй?

Никипило: Та самй знакомй! Була Янельця, Ядельця, Янтося, Люльця, и Зоська...

Барыло: То ты вчера такъ гулявъ, що нынѣ ажь въ мароды пишешься?

Никипило: Е бо то знаешь, нынѣ „ибунксмаршъ“, а мене такъ ноги болятъ.

(*Входитъ Чорнѣй съ перекривленою головою, кладе книжку на стôлъ.*)

Барыло: (*смотритъ на Чорнѣя и смѣеся*) О! нынѣ буде рѣзанина. Добре, що я такъ файно ножи выострivъ.

Чорнѣй: Що ты кажешь? Я маю чирака на карку, то „регименгсгерцъ“ буде рѣзати?

Барыло: А ты якъ хотѣвъ? та ôнъ тôлько на то жде.

Чорнѣй: Ой, я не вытримаю, я собѣ не дамъ рѣзати.

Барыло: Ага, не дамъ, Ôнъ буде тебе просити! Будешь видѣвъ, якъ то пôйде, лишь цяхъ, цяхъ и конецъ.

(*Чорнѣй смотритъ съ перелякомъ на Барылу*)

Никипило: Ты дурный, та по що ты на то писався „мародъ“?

Чорнѣй: По що? Я бы и не писався, но панъ фебель казали. А то болитъ, въ ночи не дае спати.

(*Входятъ Шейнъ и Менкесъ, кладутъ книжки на столъ и стаютъ скрывленй съ боку*)

Барыло: Аво! Маркеранты! Подивися на нихъ, якъ ихъ покрутило. Та що ты одинъ съ другимъ такъ скривився, еще нема пана „регименгсгерца".

Шейнъ: Якъ ся не маю кривити, якъ я такій слабый, що ледви стою.

Барыло: О, або той. Дивѣтъ уже умирае. Дай ему въ каркъ, най прійде до себе.

Шейнъ: Дайте ему спокôй, ôнъ также дуже слабый.

Барыло: Що жидъ то лучшій маркерантъ. Нынѣ „ибунксмаршъ", то ôнъ уже слабый. Але по що вы тутъ прійшли, идѣтъ на ганокъ, тамъ заждѣтъ, бо може панъ „регименгсгерцъ" надôйти.

Менкесъ: Не бôйтеся, тамъ уважае Френкель, дивится черезъ ôкно.

Барыло: Що и Френкель есть? А то буде нынѣ потѣха. А може мае где кто якій чиракъ?

Шейнъ: Але где тамъ. Мы слабй тôлько такъ, въ серединѣ.

Барыло: Та певно, наѣлися въ мѣстѣ жидôвскихъ куглѣвъ и теперь мароды.

Менкесъ: Пане старшій, вамъ хочеся жартовати, але мене поправдѣ такъ болитъ въ серединѣ, що навѣтъ не могу стояти.

Барыло: Ано покажи языкъ!

Менкесъ отвирае уста и показуе языкъ.

Барыло: А тьфу, ты некрещеный Мошку, та тобѣ ничого не бракуе. Тажъ я на тôмъ вже знаюся.

Менкесъ: Якъ вы кажете, що я здоровъ, то вы ничого не знаетесь на тôмъ.

Барыло: Я не знаюся? А кто ся мае знати? Та я и панъ „регименгсгерцъ" то одна рука. А кто дае компресы мародамъ, а кто горячку мѣритъ, а кто робитъ порядокъ за мародами, а кто ѣсть за мародôвъ? Га? Чи може панъ „регименгсгерцъ". То все я роблю.

Никипило: (*подходитъ до Менкеса*). Мошку, маешь може карты?

Менкесъ: А що, хочешь може грати?

Никипило: Ая, ось тутъ на столѣ, въ „купки“.

Барыло: Що, чи ты здурѣвъ? Я на то не позволю, може надбйти панъ „регименгсгерцъ“ и що буде?

Менкесъ: Не надбйде, бо Френкель уважае.

Никипило: Але, що бнъ мае до балаканья, давай карты.

Барыло: Не вбльно. Скажу пану „регименгсгерцови.

Никипило: Я также скажу, якъ ты сеи ночи компресы дававъ мародамъ.

Шейнъ: Пане старшій, таже то довго не буде. И вы собѣ заграете.

Барыло: Най васъ. Но грайте, але скоро.

(Начинаютъ грати; роскладаютъ карты на купки и на кажду купку ставлятъ гроши. Съ початку граютъ спокбйно, коли однако жиды выграваютъ гроши, начинаютъ всѣ сваритись.)

Барыло: А то нехристы, всѣ гроши забираютъ.

Никипило: Але иде имъ. Но еще маю крейцаръ, якъ програю, то... (*кладе и сновь програеае*). О диви, бодай гебе Мошку! (*выдирае бтъ Менкеса карты*). Бтдай мои гроши.

Менкесъ: Давай карты. Гроши не бтдамъ, бо я выгравъ. (*Хоче утькати*).

Барыло: (*Заступае ему дорогу*). Що? Ты може хочешь втѣкати съ грбшми? Бтдай я тобѣ кажу, бо...

Шейнъ: Що хочете бтъ него, бнъ прецѣнь выгравъ.

Менкесъ: Не бтдамъ, бо менѣ не хочеся.

Никипило: А я тобѣ кажу, що бтдашь. (*Кидаеся на него, и хоче выдерти гроши. Повстае замышанье*).

Менкесъ: Гевалтъ, що есть? Убили мене

(*Двеви отвираются, показуесь Френкель и кличе:*)

Френкель: Панъ „регименгсгерцъ“ иде!

(*Вси зрываются и утькаютъ на ганокъ. Барыло стае коло дверей, порядкуе блюзу, пддкручуе уса. На земли остались двѣ карты, котрй Никипило въ замышанью загубивъ. Входитъ войсковый лѣкарь въ шапцѣ, безъ шабли*)

Барыло: Геръ герцъ-регименгсгерцъ, мельдую послушнѣ, нема ничого нового.

Лѣкарь: (*смотритъ на него*) Мародамъ компресы дававъ?

Барыло: Геръ герцъ-регименгсгерцъ, мельдую полушнѣ, щомъ цѣлу нôчь дававъ компресы.

Лѣкарь: Той зъ одинайцятои пôйде нынѣ до конпаніи. Розумно?

Барыло: Я! мельдую послушнѣ.

Лѣкарь: (*розглядаючись, спостерѣгае на земли карты*). А то що?

Барыло: Мельдую послушнѣ, що не знаю.

Лѣкарь: Що, ты не знаешь? Кто тутъ гравъ въ карты?

Барыло: Мельдую послушнѣ, що не знаю.

Лѣкарь: Пожди, я тобѣ покажу. А знаешь ты, що то при войску заборонене? (*Оглядаесь и замѣчае пôдъ шафкою смѣтье*). А тамъ що?

Барыло: Геръ герцъ-регименгсгерцъ мельдую послушнѣ, що не знаю.

Лѣкарь: Ты и сего не знаешь? Сейчасъ выгорни то съ ôттамъ?

Барыло выгортае смѣтье зъ пôдъ шафки и ховае въ кишеню.

Лѣкарь: (*Смотритъ на него строго*). Запишешься сегодня до рапорту. Я тебе навчу порядку! Кличь мародôвъ! (*Сѣдае при столѣ и заглядае до книжокъ*).

Барыло: (*пѣдходитъ до дверей, отвирае двери и кличе:*) Девята гераусъ!

(*Входитъ Менкесъ, скрывленыйи стае при столѣ, спустивши очи въ землю.*)

Лѣкарь: (*смотритъ на него и смѣеся*). А тобѣ що?

Менкесъ: (*тихимъ голосомъ*). Геръ регименсарцтъ, мельдую послушнѣ я е дуже слабый

Лѣкарь: А що тебе болитъ?

Менкесъ: Що мене болитъ? Мене все болитъ, я маю швахе герцъ.

Лѣкаръ: Я тобѣ дамъ серце. Въ котрôмъ мѣстци болитъ тя то твое серце?

Менкесъ: (*показуе на черево съ плачемъ*). Тутъ мене дуже болитъ, тутъ мое слабе серце.

Лѣкарь: Тутъ твое серце?

Менкесъ: Такъ, мельдую послушнѣ, оно менѣ вчера на экзецирцѣ обôрвалось и тутъ теперь лежитъ. Я навѣть при войску не могу служити. Môй тато, môй мама... то, хочу сказати, môй братъ, также черезъ то при войско не були.

Лѣкарь: Мовчати! Ты маркеранте одинъ! За то ты будешь служити и за тата и маму и брата и всѣхъ!

Менкесъ: Та я хочу служити, але я маю слабе серце.

Лѣкарь: (*пѣдходитъ до шафки, бере ложѣчку хинины и подае Менкесови*). На, ôтъ того не буде тебе серце болѣти.

Менкесъ: Мельдую послушнѣ, може то трефне?

Лѣкарь: Бери и ничого не говори!

(*Менкесъ заживае лѣкарство и ôтходитъ скривленый на бôкъ*).

Барыло: (*черезъ цѣлый часъ стоявъ „габъ ахтъ“, теперь иде до дверей и кричитъ:*) Десята гераусъ!!

(*Входятъ Никипило и Френкель, стаютъ скривленй коло стола*).

Лѣкарь: (*смотритъ на Френкля и смѣеся*). А тобѣ що? Чому такъ скривився?

Френкель: (*Показуючи на Никипилу*). Най ôнъ напередъ скаже, я пôжду.

Лѣкарь: (*остро*). Я тебе пытаюсь, що тобѣ есть?

Френкель: Геръ регимент сарцтъ, мельдую послушнѣ, моя нога уже цѣлкомъ зломана (*вытягае напередъ праву, потôмъ лѣву, ногу.*) О тутъ мене страшно болитъ.

Лѣкарь: (*Схиляесь и смотришъ на ногу*): Где, покажи!

Френкель: (*Показуе рукою на колѣно*). О тутъ, ой, ой, дуже болитъ.

Лѣкарь: (*Оглядае колѣно*). Где тутъ?

Френкель: Ой гевалтъ, болитъ.

Лѣкарь: Тихо будь, не кричи!

Френкель: (*съ плачемъ*). Якъ не маю кричати, коли мене дуже болитъ,

Лѣкарь: (*отвертаесь на хвильку, потôмъ сновъ пытаесь:*) Но покажи но еще разъ где тебе болитъ?

Френкель: (*Показуе уже другу ногу*). О тутъ, страшно болитъ!

Лѣкарь: Якъ то, вже друга нога?

Френкель: Нѣ, нѣ, та сама що и болѣла, лишь я забувся.

Лѣкарь: А якъ ты тутъ прійшовъ, якъ тебе такъ дуже нога болѣла? Кто тебе тутъ принѣсъ?

Френкель: Кто мене принѣсъ? (*показуе на другу ногу*). Та нога, кобы здорова була, она мене принесла.

Лѣкарь: Но, то якъ тебе такъ нога болитъ, то ты не можешь служити при войску.

Френкель (*Урадованый, тихо до Минкеса*): Seist, ech hob dier nischt gesugt?

Лѣкарь: Котрый ты рôкъ служишь?

Френкель: Мельдую послушнѣ, що другій.

Лѣкарь: Но, то за два лѣта будешь уже дома. И тамъ будешь маркеровати. Пôшовъ!

Френкель отходитъ и стае съ боку разомъ съ Менкесомъ.

Лѣкарь: (*смотритъ на Никипила:*) А тобѣ що?

Никипило: Геръ герцъ-регименгсгерцъ, мельдую послушнѣ (*на сторонѣ*) щобы тутъ сказати? (*голосно*), що я такій слабый, що страхъ!

Лѣкарь: Що ты кажежь? А щожь тебе такъ болитъ?

Никипило: Я самъ не знаю. Якъ мене ось тутъ (*показуе на голову*) заболитъ, то иде сюда, сюда и заболитъ ажь тутъ (*показуе на ногу*).

Лѣкарь: Ага, то тебе такъ дуже болитъ. А маешь ты добный апетитъ?

Никипило: Ой маю, славити Бога, тôлько нема що ѣсти.

Лѣкарь: А що ты такъ найлучше любишь?

Никитило: (*засоромившись*) Пироги!

Лѣкарь: А чомуже ты менѣ сего скорше не сказавъ? Пожди, я тобѣ сейчасъ дамъ пирога. (*Пôдходитъ до шафки сыпле на ложку хинину и подае Никипилѣ.*). Ось маешь.

Никипило: (*заживши*) Ой, яке гôрке.

Лѣкарь: (*пише въ книжцѣ*). А тутъ щобы ты мавъ еще лучшій апетитъ, я запишу тобѣ на обѣдъ лишь чистый росôлъ безъ „цушпайзу".

Никипило: (*Отходячи отъ стола*). А то курація, нема що казати! *Стае коло дверей скривленый и все сплюе.*

Барыло: *Отвирае двери*). Одинайцята гераусъ!

Входитъ Шейнъ и начинае въ дверехъ кашляти. Всѣ мароды смѣются.

Лѣкарь: Овъ, а тобѣ що?

Шейнъ: Чи панъ регименѣсарцтъ не чуе? (*Кашле*).

Лѣкарь: Но и що бôльше?

Шейнъ: Що бôльше? Та я ôтъ той кашель уже вмираю. Якъ мене передъ вчера злапавъ, то зновь ажь нынѣ. И такъ фуртъ, тай фуртъ.

Лѣкарь: Що ты кажешь? Е, ты тôлько такъ жартуешь.

Шейнъ: Кобъ я такъ здоровъ бувъ. Вчера якъ мене кашель чѣпивъ, то я ажь мусѣвъ футрины триматися, а та футрина, то такъ тряслася, що мало зô мною не перевернулась.

Лѣкарь: Ага! А чимъ ты бувъ дома.

Шецнъ: Я бувъ, мельдую покорнѣ, я бувъ у мого тата.

Лѣкарь: А що твôй тато робивъ?

Шейнъ: Мôй тато мавъ корчму и продававъ горѣвку.

Лѣкарь: А тато твôй также такъ кашляе.

Шейнъ: Тато также трохи.

Лѣкарь: А видишь, то певно за людску кривду. А ты котрый рôкъ служишь?

Шейнъ: Вже першій.

Лѣкарь: За два лѣта будешь такъ кашляти дома, разомъ съ твоимъ татомъ.

Шейнъ скрывленый отходитъ на бôкъ.

Барыло (*отвирае двери*): Дванайцята гераусъ!

Входитъ Чорнѣй просто, вдйсковымъ кроком и салютуючи стае коло стола.

Лѣкарь: А тобѣ що?

Чорнѣй: Мельдую послушнѣ, що менѣ ничого не бракуе, я цѣлкомъ здоровъ.

Лѣкарь: А на що-же ты мародомъ писався.

Чорнѣй: Мельдую послушпѣ, що я не писався, но мене записали. (*Держитъ голову такъ, щобы лѣкарь не замѣтивъ чирака*).

Лѣкарь: А ты чому такъ вертишься? Покажи но, що ты тутъ на карку маешь?

Чорнѣй: То ничо, мельдую послушнѣ... то ничо.

Лѣкарь: Стôй, покажи но! (*придержуе ему голову*).

Чорнѣй: Ой мамуненьку, тажъ мене ничо не болитъ.

Лѣкарь: Пожди, я тобѣ ничого злого не зроблю. Сѣдай но собѣ, я тобѣ забандажую.

(*Менкесъ и Френкель настрашенй, не могутъ смотрѣтись на то*).

Чорнѣй: Ой мамуненько рôдна...

Лѣкарь: Не бôйся (*остро*) сѣдай!

Чорнѣй: (*сѣдае и слѣдитъ трѣвожно каждый рýхъ лѣкаря*). Мене то вже не болитъ; то такъ само присохне!

Лѣкарь: (*бере зъ шафки ножикъ и подходитъ до Чорнѣя*). Пожди, я тобѣ забандажую.

Чорнѣй зрываесь и хоче втѣкати.

Лѣкарь (*остро*): Сѣдай, бо кажу тя замкнути.

Чорнѣй сѣдае. Лѣкарь приступае до него; Чорнѣй сновь зрываесь и хоче втѣкати.

Лѣкарь (*до Барылы*). Держи его!

(*Барыло придержуе Чорнѣя, лѣкарь протинае ножомъ чирака. Чорнѣй тымчасомъ копае ногою Барылу, котрый заточуесь ажъ пôдъ двери. Жиды-мароды збились переляканй въ кутъ и треmтятъ, якъ осикове листье*).

Менкесъ: Мельдую послушнѣ, що менѣ вже ничого не бракуе; я пôйду до компанiи.

Чорнѣй: (*гейбы зъ просоня збудився*). Що зо̂ мною? Где я?

Лѣкарь: (*бандажуе ему каркъ*). Где? Въ корчмѣ на музыцѣ.

Чорнѣй: Такъ менѣ въ ухахъ грае.

Лѣкарь: (*до Барылы*). Дай ему воды.

(*Барыло подае воду, Чорнѣй пье*).

Лѣкарь (*до жидкôвъ*): А то войско! Щожъ бы вы на вôйнѣ робили?

Френкель: Я иду вже до компаніи, я здоровъ.

Лѣкарь (*до Чорнѣя*). А тобѣ вже лучше?

Чорнѣй: Ой лучше татуненьку, лучше. И якъ то добре, що я такій терпеливый.

(*Отходитъ поволи до дверей. Лѣкарь мые собѣ руки и отходитъ*).

Барыло: А що, не казавъ я, що буде рѣзати. Га, га! А теперь погляньмо, що то вамъ тамъ „регименгсгерцъ“ тутъ пописавъ.

(*Пôдходятъ всѣ до стола и оглядаютъ книжки*).

Менкесъ: Що? Написавъ менѣ: „динстбаръ“, значитъ мушу ити на „ибунксмаршъ“, а я такій слабый!

Никипило: А мемѣ що?

Менкесь: Тобѣ то само, а пожди, и еще: „нуръ зуппе“, то значитъ, що на обѣдъ лишь росôлъ дôстанешь. Френкель мае также „динстбаръ“, также иде на экзицирку.

Шейнъ: Менѣ также „динстбаръ“.

Чорнѣй: А менѣ?

Шейнъ: Тобѣ? О, дивѣтъ! Такому маркерантови якъ Чорнѣй написавъ „динстфрей“, значитъ ôнъ не пôйде на экзицирку!

(*Всѣ ôтходятъ съ книжками. Никипило и Барыло ловлятъ Менкеса и не хотятъ пустити*).

Барыло: Ôтдай наши гроши!

Менкесъ: Ага будешь брати.

Никипило: Що, не ôтдаешь?

(*Кидаеся на жида и зновъ замѣшанье и сварка. Въ дверехъ показуесь сновь войсковый лѣкарь*).

Лѣкарь: А то що?

(*Вси зрываются, стаютъ въ рядъ и удаютъ слабихъ*).

Менкесъ: Мельдую послушнѣ, що мы... мы ся такъ бавимо...

Лѣкарь (*строго*): Забирайся одинъ съ другимъ до компаніи! Сейчасъ!

Мароды утѣкаютъ по-при лѣкаря; где котрый обдрѣе штурханця.

Лѣкарь: (*пôдходитъ до Барылы*): А ты пôйдешь завтра до компаніи и запишешься до рапорту. Розумно?

Барыло: Я, геръ герцъ-регименгсгерцъ!

(*Лѣкарь отходитъ лихій*).

Барыло: А то швицъ на пана вояка. И гроши програвъ, и до компаніи пôйду, и до рапорту маю записатися. Овъ фе! А все то черезъ тыхъ маркерантôвъ! Тай троха и черезъ мою Ксеню. Ой Ксеню, Ксеню!

(*Задумуесь, куртина паде*).

Львôвъ 16. цвѣтня 1910.

Читайте!

Въ книгарни Ставропигійского Института можно дôстати слѣдуючи книжки, накладу Гр. Гануляка:

1. **ЩАСЛИВЫЙ ЧОЛОВѢКЪ,**
   комедія въ 1 актѣ . . . 50 гел.
2. **ВЕСНЯНІ СНЫ,**
   поезіи . . . . . 50 гел.
3. **ХЛОПСКІЙ СЫНЪ,**
   комедія въ 1 актѣ . . . 40 гел.
4. **ПРОПАВЪ БЕФЕРДЕРУНОКЪ,**
   шутка въ 1 актѣ . . . 30 гел.
5. **МАРКЕРАНТЫ,**
   шутка въ 1 актѣ . . . 30 гел.

Тамъ же можно дôстати всегда хорошѝ картки съ видами; при замовленью треба однако ясно зазначити, що то маютъ бути картки накладу Гр Гануляка.

Адресовати треба такъ:

Ставропигійска книгарня,

Львôвъ, ул. Русска ч. 3.